

# ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Редакторъ-издатель Р. С. ЛЯХНИЦКІЙ.

№ 181 (1274).

Ревель. Среда, 16 іюля 1924 г.

V годъ изданія.

# А. П. ЧЕХОВЪ ВЪ „ДНЕВНИКЪ А. С. СУВОРИНА“

## I.

„Оба изъ народа, оба внуки бывшихъ крѣпостныхъ и оба одаренные отъ природы громаднымъ талантомъ и отличавшіеся рѣдкой образованностью, они почувствовали другъ къ другу сильное влеченіе и близко сошлись“.

Такъ пишетъ биографъ о сближеніи А. П. Чехова съ публицистомъ А. С. Суворинымъ.<sup>1)</sup>

Памятникомъ этого сближенія остались многочисленнѣйшія письма Чехова къ Суворину, занимающія значительную часть шеститомной чеховской переписки.

Было время, когда пріязненные отношенія Суворина и Чехова шокировали лѣвую русскую печать. Типичнымъ выразителемъ этого настроенія оказался, между прочимъ, Д. С. Мережковский, написавшій на эту тему много злыхъ словъ въ своей тенденціозно несправедливой статьѣ „Суворинъ и Чеховъ“.<sup>2)</sup>

Казалось и ему и другимъ, что не по пути двумъ этимъ дѣятелямъ русской литературы — исполненному мягкой лирической грусти, прекраснѣйшему Чехову и темпераментному, подчасъ желчно рѣзкому, но все же эластическому апологету компромисса Суворину.

Такъ казалось, а, между тѣмъ, оба они продолжали дѣятельно переписываться и поддерживали дружескія отношенія вплоть до самой кончины Чехова.

Что же нашель послѣдній въ Суворинѣ, чѣмъ привлекъ маститый руководитель „Новаго Времени“ пѣвца „Хмурыхъ людей“, по возрасту годившагося ему въ сыновья?

Думается, то было глубокое ихъ взаимопониманіе, котораго не встрѣчалъ Чеховъ у своихъ сверстниковъ, у литературныхъ современниковъ, въ родѣ Короленки, Гаршина, Потапенки или Мамина-Сибиряка.

„Мнѣ страстно хочется поговорить съ вами“, пишетъ онъ Суворину въ одномъ изъ своихъ обширныхъ писемъ. „Дума у меня кипитъ. Никого не хочу, кромѣ васъ“...

И нѣсколько времени спустя повторяетъ тотъ же самый мотивъ и въ тѣхъ же почти словахъ:

„Никого не хочу, кромѣ васъ, ибо съ вами только и можно говорить“...

И не на личныхъ только отношеніяхъ строилась эта симпатія: она шла гораздо глубже. Корни ея уходили въ литературу, столь беззавѣтно любимую Чеховымъ.

„Я люблю ваши рассказы“, пишетъ онъ Суворину: „люблю ихъ потому, что въ нихъ есть что-то такое, чего ни у кого нѣтъ... Что-то умиленное“...

А въ другомъ мѣстѣ переписки Чеховъ восхищается силою суворинской литературной индивидуальности:

„У васъ есть то, чего у другихъ нѣтъ. Пока мы не разошлись или не умерли, я бы съ удовольствіемъ эксплуатировалъ вашу силу. Я бы украсть у васъ-то, чѣмъ вы не пользуетесь“...

И параллельно съ этими признаніями идутъ обращенные къ Суворину уговоры Чехова написать вмѣстѣ то романъ, то повѣсть, то пьесу.

Литературное сотрудничество это не состоялось. Мядо того: съ годами обозначились нѣкоторые пункты расхожденія. Въ частности, особенной остроты разногласія достигли въ полемикѣ по дѣлу Дрейфуса. Чеховъ никакъ не могъ пере-

варить того, что Суворинъ сталъ на сторону обвинителей въ этомъ громкомъ и несправедливомъ процессѣ. Но противоположность мнѣній не помѣшала обѣимъ спорящимъ сторонамъ не только продолжать уважать, но и любить другъ друга. Объ этомъ опять-таки убѣдительно говорятъ чеховскія письма и еще недавно дошедшій до насъ „Дневникъ А. С. Суворина“.

## II.

О послѣднемъ литературномъ памятникѣ хотѣлось бы сказать предварительно нѣсколько словъ.

„Дневникъ А. С. Суворина“ выпущенъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ издательствомъ Л. Д. Френкель въ Петроградѣ. Онъ снабженъ предисловіемъ и примѣчаніями М. Кричевскаго, составленными въ типичномъ большевистско-вѣрнопопуданническомъ тонѣ. Редактирована книга наспѣхъ и очень неряшливо. Повидимому, М. Кричевскій плоховато освоился даже съ почеркомъ Суворина, почему и допустилъ рядъ курьезныхъ погрѣшностей. Такъ, онъ приписалъ Тальмъ трагедію „Святосла Окаянный“, тогда какъ его перу принадлежатъ „Святополкъ Окаянный“<sup>3)</sup>; просваталъ Ежова за Книпперъ въ то время, когда она была невѣстой Чехова<sup>4)</sup>; перепуталъ фамилии Хилкова и финляндскаго генералъ-губернатора Бобрикова<sup>5)</sup>; назвалъ перваго секретаря русскаго посольства въ Англіи Петръ Ботнаевъ, тогда какъ это — извѣстный русскій дипломатъ Петръ Серг. Боткинъ<sup>6)</sup> и т. д. Но этого мало: весьма подозрительнымъ представляется отсутствіе въ дневникѣ Суворина записей за революціонные 1905 и 1906 годы. Тенденціозность редактора заставляетъ подозрѣвать сокрытіе тѣхъ страничекъ, которыя могли показаться совѣтской власти чрезмѣрно черносотенными...

<sup>3)</sup> Дневникъ А. С. Суворина. Петроградъ. 1924. Стр. 80.

<sup>4)</sup> Ibidem. Стр. 216.

<sup>5)</sup> Ibid. Стр. 290.

<sup>6)</sup> Ibid. Стр. 340.

Подобная „обработка“ суворинскаго дневника требуетъ отъ читателя особенной осторожности въ обращеніи съ нимъ, но все же не даетъ права сомнѣваться въ его подлинности. Сопоставленіе записей Суворина съ показаніями хотя бы воспоминаній Витте устанавливаетъ достоверность сообщаемого. Въ интересующей же насъ части „Дневника А. С. Суворина“, т. е. въ записяхъ объ отношеніяхъ автора къ Чехову такимъ контрольнымъ пособіемъ можетъ служить уже упоминавшаяся выше чеховская переписка, при чемъ при сравненіи писемъ Чехова съ замѣтками Суворина расхожденій также не обнаруживается.

## III.

Какое значеніе лично имѣлъ Чеховъ для Суворина?

Многочисленныя, иногда даже мимолетныя упоминанія о Чеховѣ въ суворинскомъ дневникѣ даютъ исчерпывающій отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Въ нравственно трудныя минуты своей жизни Суворинъ неизмѣнно прибѣгаетъ къ поддержкѣ Чехова, ищетъ общенія съ нимъ. Онъ потрясенъ до глубины души трагической катастрофой на Ходынскомъ полѣ, но рѣшается посѣтить могилы ея жертвъ только въ сопровожденіи Чехова (Стр. 112 „Дневника А. С. Суворина“). Вообще, Суворинъ малодушенъ, боится смерти и связанныхъ съ нею воспоминаній объ ушедшихъ навсегда близкихъ людяхъ. Но вотъ ему понадобилось посѣтить могилы „своихъ мертвыхъ“ на кладбищѣ Александро-Невской лавры. И опять-таки онъ привлекаетъ къ участию въ этой, казалось бы столь интимной, поѣздкѣ Чехова (Стр. 82 „Дневника“).

Въ практической жизни, при возникающихъ осложненіяхъ и непріятностяхъ, Суворинъ привыкъ обращаться къ нравственному авторитету Чехова. Когда въ связи съ энергичнымъ выступленіемъ „Новаго Времени“ противъ студенческой забастовки Суворинъ въ 1899 году былъ привлеченъ къ суду чести Союзомъ рус-

скихъ писателей, онъ о каждомъ своемъ шагѣ въ этомъ остромъ для него инцидентѣ освѣдомлялъ Чехова, прислушивался къ его голосу и послушно выполнялъ всѣ его совѣты, безгранично доверяя его указаніямъ (Стр. 199, 207 и др.).

Между прочимъ, Суворинъ сообщаетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующій случай съ Чеховымъ, свидѣтельствующій о той рѣзкой партійности, которая господствовала въ концѣ 1890-ыхъ годовъ въ литературныхъ кругахъ:

„Чеховъ рассказывалъ мнѣ, что Короленко убѣдилъ его баллотироваться въ члены Союза писателей, сказавъ, что это — одна формальность. Оказалось, что среди этого Союза были члены, которые говорили, что Чехова слѣдовало забаллотировать за „Мужиковъ“, гдѣ онъ будто представилъ мужиковъ не въ томъ видѣ, какъ слѣдуетъ по радикальному принципу. Поистинѣ, ослы эти господа, понимающіе въ литературѣ меньше даже, чѣмъ свиньи въ апельсинахъ, и эти свиньи становятся судьями замѣчательнаго писателя! Вотъ она, эта толпа, изъ которой выскакиваютъ бездарные подлецы и руководятъ ею! „Меня чуть не забаллотировали“, говорилъ Чеховъ“ (Стр. 179).

Справедливость требуетъ отмѣтить, что эта глѣбная филиппика Суворина противъ Союза писателей занесена въ дневникъ задолго до возникновенія его конфликта.

## IV.

Не меньшимъ, чѣмъ въ вопросахъ чести, авторитетомъ былъ для Суворина Чеховъ и въ области сужденій литературныхъ.

Внимательно отмѣчаются въ „Дневникѣ“ всѣ чеховскіе литературные совѣты.

„Чеховъ сегодня мнѣ пишетъ: „Я бы на вашемъ мѣстѣ романъ написалъ. Вы бы теперь, если бы захотѣли, могли написать интересный романъ и при томъ большой. Благо купили имѣніе, есть гдѣ уединиться и работать“. Онъ бы на мо-

емъ мѣстѣ, конечно, написалъ. Но я на своемъ не напишу. Мнѣ жизнь не ясна“... (Стр. 204).

И, полагаясь на чеховское знаніе жизни и на его психологическую проникновенность, Суворинъ посылаетъ ему свою новую комедію „Геронія“ и нетерпѣливо ждетъ его отзыва, а нѣсколько дней спустя сочувственно комментируетъ его слова о полемикѣ, возникшей въ вопросѣ о подлинности окончанія пушкинской „Русалки“ (Стр. 234).

Впрочемъ, не одинъ Суворинъ слѣдовалъ литературнымъ совѣтамъ Чехова. Къ нимъ прислушивался самъ Толстой. Вотъ разговоръ, записанный Суворинымъ при посѣщеніи Толстого зимою 1896 года.

„Чехову Толстой сказалъ:

— Я жалѣю, что давалъ вамъ читать „Воскресеніе“.

— Почему?

— Да потому, что теперь тамъ не осталось камня на камнѣ, все передѣлано.

— Дадите мнѣ прочесть теперь?

— Когда кончу — дамъ“ (Стр. 80).

Послѣ этого неудивительно, что Суворинъ, столь ревнивый къ своей публицистической славѣ и къ успѣху „Новаго Времени“, легко примиряется съ намѣреніемъ Чехова издавать газету совместно съ Гольцевымъ. Другому бы онъ этого не простилъ, а Чехову даже сочувствуетъ. Возражаетъ только противъ сотрудничества: „Гольцевъ — слишкомъ ничтожный человѣкъ, чтобъ имѣть право сидѣть на крылѣ такого орла, какъ Чеховъ“ (Стр. 151).

Впрочемъ, задуманная Чеховымъ газета, какъ извѣстно, не состоялась.

## V.

Среди литературныхъ отзывовъ Чехова, сохранныхъ „Дневникомъ А. С. Суворина“, обращаютъ на себя особенное вниманіе сдержанныя, а подчасъ даже вежливѣйшія сужденія его о Горькомъ.

„Субботу провелъ съ Чеховымъ въ Москвѣ“, записываетъ Суворинъ въ сво-

<sup>1)</sup> Письма Чехова. Москва. 1912. Томъ II, стр. XI.

<sup>2)</sup> Д. С. Мережковский. „Было и будетъ“. Дневникъ. 1910-1914. Петроградъ. 1915. Стр. 239-253.

емъ дневникъ 15 мая 1900 года. „Говорили о Горькомъ. „Онъ—идеальный человекъ. Но жаль, что онъ пьянствуетъ. Онъ женатъ, и ребенокъ есть“. Объ его „Мужикъ“ сказалъ, что это — бездарно.“) Онъ слишкомъ много пишетъ“ (Стр. 240).

Два года спустя, 4 сентября 1902 года находимъ у Суворина новую запись словъ Чехова о Горькомъ:

„Я уѣхалъ вмѣстѣ съ Орленевымъ<sup>8)</sup> въ Москву, чтобы увидаться съ Чеховымъ. Провелъ тамъ два дня, почти все время съ Чеховымъ, у него, въ его домѣ. Все время дружески говорили о разныхъ вещахъ, преимущественно о литературѣ. Онъ удивлялся, что Горькаго считают за границей предводителемъ социализма. „Не социализма, а революціи“, замѣтилъ я. Чеховъ этого не понималъ. Я, напротивъ, понимаю. Въ его повѣстяхъ вездѣ слышатся протестъ и бодрость. Его босяки какъ будто говорятъ: „Мы чувствуемъ въ себѣ огромную силу, и мы побѣдимъ“. Популярность Горькаго задѣваетъ самолюбіе Чехова. „Прежде говорили: Чеховъ и Потапенко, я это пережилъ. Теперь говорятъ: Чеховъ и Горькій“. Онъ хотѣлъ сказать, что и это переживетъ. По его словамъ, Горькій черезъ три года ничего не будетъ значить, потому что ему не о чемъ будетъ писать. Я этого не думаю.

— Правда ли, что онъ больной?

— У него то же, что у меня — туберкулезъ. Но онъ здоровѣе меня. Вы знаете, что ему вездѣ позволено жить. Не найдено никакихъ основаній для того, чтобы высылать его изъ одного города въ другой.

Онъ сообщилъ мнѣ, что вмѣстѣ съ Короленко они подали въ Академію протестъ противъ исключенія Горькаго изъ академиковъ и заявили, что снимаютъ съ себя званіе академиковъ. Отвѣта на это не получили. Предлагали Толстому, но онъ сказалъ, что не считаетъ себя

академикомъ. „А я знаю“, сказалъ Чеховъ: „что онъ подавалъ голосъ за Боборыкина, значить, считаетъ себя академикомъ“.

„Толстой — человекъ слабый“, говорилъ Чеховъ, наблюдая его во время болѣзни“ (Стр. 294-295).

## VI.

Не ограничиваясь разсказами о своихъ встрѣчахъ съ Чеховымъ, о его критическихъ отзывахъ и литературныхъ мнѣніяхъ, Суворинъ бережно записываетъ даже отдѣльныя, подчасъ случайно оброненныя Чеховымъ мысли.

О смерти:

„Смерть — жестокость, отвратительная казнь. Если послѣ смерти уничтожается индивидуальность, то жизни нѣтъ. Я не могу утѣшиться тѣмъ, что сольюсь со вздохами и муками въ міровой жизни, которая имѣетъ цѣль. Я даже цѣлю этой не знаю. Смерть возбуждаетъ нѣчто большее, чѣмъ ужасъ. Но когда живешь, о ней мало думаешь. Я, по крайней мѣрѣ. А когда буду умирать, увижу, что это такое. Страшно стать ничѣмъ. Отнесутъ тебя на кладбище, возвратятся домой и станутъ чай пить и говорить лицемерныя рѣчи. Очень противно объ этомъ думать“...

О дружбѣ:

„Дружба лучше любви. Меня любятъ друзья, я ихъ люблю, и черезъ меня они любятъ другъ друга. Любовь дѣлаетъ врагами тѣхъ, которые любятъ одну женщину. Въ любви желаютъ обладать женщиной всецѣло, не давать ее никому другому и всякаго считаютъ врагомъ, который возмѣтитъ желаніе поправиться ей. Дружба такой ревности не знаетъ. Оттого и въ бракѣ лучше не любовь, а дружба“.

О физической красотѣ:

„Если бы женщины обращали вниманіе на красоту мужчинъ столько же, сколько мужчины обращаютъ вниманія на красоту женщинъ, то и мужчины стали бы такъ же тщеславны, какъ женщины. Женщины принимаютъ и некраси-

выхъ мужчинъ, и это показываетъ ихъ разумность и трезвость, а можетъ быть, недостатокъ эстетическаго чувства“.

О любви:

„Все свое сердце мы отдаемъ гораздо легче, чѣмъ всѣ свои деньги“.

О женской вѣрности:

„Красивой женщинѣ надо имѣть много хорошихъ качествъ, чтобы сохранить вѣрность въ бракѣ“ (Стр. 164-165 и слѣд.).

## VII.

Дружба Суворина съ Чеховымъ была построена, если можно такъ выразиться, на началахъ полной взаимности. Многое получая отъ духовнаго общенія съ Чеховымъ, Суворинъ старался, гдѣ могъ и чѣмъ могъ, быть полезнымъ Чехову.

Особенно ярко выявилась эта черта Суворина въ трудные для Чехова дни, слѣдовавшіе за неуспѣхомъ его пьесы „Чайка“.

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ спектакль Суворинъ:

„Сегодня „Чайка“ въ Александринскомъ театрѣ. Пьеса не имѣла успѣха. Публика невнимательная, неслушающая, разговаривающая, скужающая. Я давно не видалъ такого представленія. Чеховъ былъ удрученъ. Въ первомъ часу ночи пріѣхала къ намъ его сестра, спрашивала, гдѣ онъ. Она беспокоилась. Мы послали къ театру, къ Потапенко, къ Левкѣевой<sup>9)</sup> (у нея собирались артисты на ужинъ). Нигдѣ его не было. Онъ пришелъ въ два часа. Я пошелъ къ нему, спрашиваю:

— Гдѣ вы были?

— Я ходилъ по улицамъ, сидѣлъ. Не могъ же я плюнуть на это представленіе. Если я проживу еще семьсотъ лѣтъ, то и тогда не отдамъ въ театръ ни одной пьесы. Будетъ. Въ этой области мнѣ неудача.

Завтра въ три часа хочетъ ѣхать.

— Пожалуйста, не останавливайте меня. Я не могу слушать всѣ эти разговоры.

<sup>9)</sup> Известная артистка Александринскаго театра.

Чеховъ очень самолюбивъ, и, когда я высказывалъ ему свои впечатлѣнія, онъ выслушивалъ ихъ нетерпѣливо. Пережить этотъ неуспѣхъ безъ глубокаго волненія онъ не могъ. Очень жалѣю, что я не пошелъ на репетицію. Но едва ли я могъ чѣмъ-нибудь помочь. Я убѣжденъ былъ въ успѣхѣ и даже заранѣе написалъ замѣтку о полномъ успѣхѣ пьесы. Пришлось все передѣлать. Писалъ о пьесѣ, желая сказать о ней все то хорошее, что я о ней думалъ, когда читалъ...

Думается мнѣ, что въ Москвѣ „Чайку“ сыграютъ лучше. Здѣшняя публика не поняла ее. Мережковский, встрѣтивъ меня въ коридорѣ театра, заговорилъ, что она не умна, ибо первое качество ума—ясность. Я далъ ему понять довольно неделикатно, что у него этой ясности никогда не было“ (Стр. 125-126).

Уже этихъ бѣглыхъ строкъ достаточно для того, чтобы убѣдиться, какое участіе принималъ Суворинъ въ судьбѣ чеховской пьесы. При этомъ онъ не ограничился одними словами и выраженіями сочувствія, но тотчасъ послѣ отъѣзда Чехова въ Москву принялся совмѣстно съ режиссеромъ Александринскаго театра Евт. Карповымъ готовить „Чайку“ для втораго представленія, написалъ о ней въ своей газетѣ сочувственный отзывъ и добился того, что вторично чеховская пьеса прошла удачно (Стр. 126).

„Я доволенъ сегодняшнимъ успѣхомъ“, пишетъ по этому поводу Суворинъ: „доволенъ и собой, что написалъ о „Чайкѣ“ такую замѣтку, которая шла вразрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что говорили о ней другіе“... (Стр. 128).

## VIII.

Если судьба произведеній Чехова заставляла немало волноваться Суворина, то еще острѣе переживалъ онъ и еще ближе принималъ къ сердцу частыя ухудшенія въ состояніи здоровья Чехова.

Суворинскій дневникъ пестритъ извѣстіями о чеховской болѣзни. Не ограничиваясь свѣдѣніями, получаемыми непосредственно отъ самого больного, Суво-

ринъ наводитъ справки у пользующихъ его врачей, у родныхъ и московскихъ знакомыхъ Чехова, и чувствуется, что онъ живетъ этими вѣстями.

Неоднократно отмѣчалось, что трагизмъ положенія Чехова заключался, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ, какъ врачъ, хорошо понималъ свое положеніе, правильно расцѣнивая опасность развитія болѣзни.

Указанія на это встрѣчаемъ мы и въ дневникѣ Суворина:

„Третьяго дня у Чехова пошла кровь горломъ, когда мы сѣли за обѣдъ въ „Эрмитажѣ“. Онъ спросилъ себѣ льду, и мы, не начиная обѣда, уѣхали. Сегодня онъ ушелъ къ себѣ въ Большую Московскую гостиницу. Два дня лежалъ у меня. Онъ испугался этого припадка и говорилъ мнѣ, что это — очень тяжелое состояніе. „Для успокоенія больныхъ мы говоримъ во время кашля, что онъ — желудочный, а во время кровотеченія, что оно — геморроидальное. Но желудочнаго кашля не бываетъ, а кровотеченіе непременно изъ легкихъ. У меня изъ праваго легкаго кровь идетъ, какъ у брата и другой моей родственницы, которая тоже умерла отъ чахотки“ (Стр. 150).

Въ этотъ разъ Чехову пришлось долго лечь въ лѣчебницу Остроумова, гдѣ его посѣщала, между прочимъ, Толстой. Навѣщала его здѣсь и Суворинъ.

„Я дважды былъ вчера у Чехова въ клиникѣ“, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ. „Какъ тамъ ни чисто, а все-таки это — больница, и тамъ — больные. Обѣдали въ коридорѣ, въ особой комнатѣ. Чеховъ лежитъ въ № 16, на десять номеровъ выше, чѣмъ его „Палата № 6“, какъ замѣтилъ докторъ Оболенскій. Больной смѣется и шутитъ по своему обыкновенію, отхаркивая кровь въ большой стаканъ. Но когда я сказалъ, что смотрѣлъ, какъ шелъ ледъ по Москвѣ-рѣкѣ, онъ измѣнился въ лицѣ и сказалъ: „Развѣ рѣка тронулась?“ Я пожалѣлъ, что упомянулъ ему объ этомъ. Ему, вѣроятно, пришло въ голову, не имѣютъ ли

связи эта вскрывшаяся рѣка и его кровохарканье. Нѣсколько дней тому назадъ онъ говорилъ мнѣ: „Когда мужика лѣчишь отъ чахотки, онъ говоритъ: „Не поможетъ. Съ внешней водой уйду“... (Стр. 151-152).

## IX.

На этотъ разъ непосредственная опасность миновала. Чеховъ ушелъ изъ жизни семь лѣтъ спустя, въ тихую июльскую ночь на чужбинѣ, въ далекомъ Баден-вейлерѣ.

Въ дневникѣ Суворина не сохранилось записей о смерти Чехова — и это не должно удивлять насъ. Чѣмъ острѣе и глубже скорбь потери, тѣмъ труднѣе высказать ее, облечь въ словесную форму, правильно отражающую мучительныя переживанія.

Именно этимъ цѣломудріемъ и стыдливостью чувства надлежитъ объяснять молчаніе Суворина о безвременномъ концѣ Чехова.

Только три года спустя встрѣчаемъ мы мимолетную, но скорбную запись, въ которой чувствуется глубокое духовное одиночество:

„Прежде переписывался, особенно съ Чеховымъ. А теперь не съ кѣмъ“ (Стр. 334).

И можно понять, какъ невыносимо тяжела была эта осиротѣлость для Суворина, если мы, младшіе современники Чехова, испытывавшіе обаяніе его кристально чистой и свѣтлой души исключительно въ процессѣ литературнаго, а не личнаго общенія съ нимъ, — не мѣсяцы, но цѣлые годы не могли примириться съ мыслью объ утратѣ Антона Павловича, ставшаго намъ такимъ интимно близкимъ и почти роднымъ.

Сергей Штейнъ.

<sup>8)</sup> Очерки Горькаго „Мужикъ“ печатались въ журналѣ „Жизнь“ за 1900 г. (№№ 2-3) и авторомъ закончены не были.

<sup>9)</sup> Известный драматическій артистъ, служившій въ Маломъ театрѣ въ Петербургѣ.